

Ольга Романова

Ведьма

Ольга Романова

Ведьма

«Автор»

2026

Романова О.

Ведьма / О. Романова — «Автор», 2026

«Ведьма» Ольги Романовой — это атмосферная сказка для взрослых, переплетающая славянский фольклор с современными реалиями. В центре сюжета — противостояние древнего колдовского зла в лице шестисотлетней ведьмы Алисы и праведной силы православного старца Иоанна, вставшего на защиту души молодого художника. Рассказ повествует о цене бессмертия, разрушительной страсти и вечной борьбе тьмы со светом.

© Романова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Ольга Романова

Ведьма

Сказка для взрослых

Старая метла колдуньи, мучимая скукой в нечистом углу избушки, по-собачьи нервно зевнула и, не имея сил терпеть невнимание ведьмы, взмыла к самому потолку. Не рассчитав траектории, метёлка врезалась в деревянную матицу, грязно выругалась и свалилась на неубранный пол перед пылающим очагом, да там и затихла. Страдающий от ревматизма чёрный кот Васька, гревший столетние кости обок тёплых камней печи, мгновенно выгнул мохнатую спину. Не переставая грозно шипеть, он прыгнул на лавку и испепеляющим взглядом уставился на прогнавшую его с любимого места тварь, с некоторых пор воспылавшую к нему странными чувствами.

— Тихо, ты, окаянная, — цыкнула на метлу старуха, дьявольской силой отправляя её на прежнее место. — Всех пауков распугаешь.

Похожей на куриную лапу рукой карга зачерпнула из плошки щепотку сушёных мух и бросила их на пол, созывая с насиженных мест мизгирей — чёрных пауков размером с улитку.

— Цып, цып, цып, мои крошки. Цып, цып, цып, цыплятушки. Ешьте, ешьте, родимые, — голосом острым и ржавым лукала старуха свой заговор, шевеля огромным ртом с губами-ошмётками и единственным жёлтым зубом, выпиравшим из нижней челюсти наподобие волчьего зареза. — Скоро вы мне понадобится.

Плохо пахнущая, в выдавшем виды халате и с давно нечёсанными патлами цвета печной золы, ведьма Алиса проковыляла к каминной печи, криво сложенной из диких камней, где на ржавом крюке висел огромный котёл с кипевшей зелёной жижей, и носом, больше похожим на клюв фламинго, шумно вдохнула в себя поднимавшийся от варева пар. Запах варёных поганок заставил старушечий рот растянуться в счастливой улыбке. Сухонькая её голова с большими, слегка заострёнными кверху ушами довольно кивнула.

— Вкуснотища, — похвалила Алиса свои поварские способности. — Розка с ума сойдёт.

Внезапно седые брови карги вздёрнулись вверх, и она, точно дервиш, закружилась на месте, вопя и причитая, будто над умершим чёртом.

— Ай! Ай! Батюшки светы! Что же это я! Совсем ополоумела, хрычовка старая! Мяту, мяту забыла! Самый главный ингредиент забыла! Без него же похлёбка, что борщ в общепите — свиньям на выброс! Эй, ты! — рявкнула она, обращаясь к метле. — Быстро пшла сюда!

Верное помело метнулось к ведьме с резвостью гончей и едва не сшибло старуху, чудом затормозив у самого паха карги. Алиса с испуга плюнула: «Чтоб тебя черти сгрызли!» — но тут же, словно скумекав причину внезапной прыти метёлки, спросила:

— Ты часом о Васькину шерсть не тёрлась? Молчишь, окаянная? Что, седина в прутья, бес в метловище — так, что ли? А ты знаешь, что от кошачьего волоса мётлы с ума сходят? Смотри у меня... — загромыхала она костяшками пальцев над древком метлы, — дерево... Если узнаю, что ты без меня с котом куrolесишь, пушу на дрова.

Услышав угрозу, метла ошетишила прутья, но промолчала.

— Так-то лучше, — хмыкнула ведьма.

Подоткнув под себя полы халата, она уселась на помело, крепко сжала руками ручку метёлки и со словами «Пошла, залётная!» вылетела вон из избушки.

Тьма над марью стояла крошечная. Сырая ночь четвертой недели августа две тысячи двадцать второго года пахла грибами и страхом. Звуки ночного леса, со всех сторон обнимавшего топь костлявыми лапами елей, пьянили голову, возбуждая в карге желание зверя.

— Тёмная богородица,¹ дай мне один глаз филина, второй глаз кота, третий глаз волка, чтобы мне, Алисе, видеть в ночи так же ясно, как днём, — творила старуха своё заклинание, правя метлу от дома к верхушкам деревьев.

Из-за вечного сумрака, царившего в тайболе,² место в народе считалось проклятым. Своё название «Чёртов» лес приобрёл из-за ведьмы много веков назад. Твари, пришедшие вслед за Алисой, населили его скверной и страхом; анчутки, злыдни, игошки и прочая нечисть вздыхала и охала по ночам, требуя жертвы.

Солнечный свет доходил до опада едва-едва и только летом, отчего кроме бледных поганок под тяжёлыми лапами елей ничего не росло. В самой глубине чаши была устроена топь; в центре её, над ядовитым туманом, высился чёрный камень размером с хороший валун. На нём-то пятьсот три года назад прислужники ведьмы сложили избу — тайное логово, скрытое от людей множеством заклинаний, куда всегда возвращалась Алиса после нечистых дел.

* * *

Алиса была стара и, как многие ведьмы, познавшие возраст, уродлива. В январскую ночь минула зрелость; шестьсот три чёрных, оплывших свечи покрыли праздничный торт похоронной глазурью, от вида которой колдунье сделалось грустно. День её приближения к вечности не спасли ни веселье кикимор с их пошлыми шутками, ни ласки пьяного чёрта. Старость, когда всё ещё хочешь, но возможностей нет, а желания с каждым разом всё злее, явилась на праздничный пир за сумрачной данью. Так является серпень³ вслед июльской жары, чтобы напомнить о жатве. Думы нахлынули на неё серым унылым дождём, смыв с накрашенной к празднику рожи остатки трусливой радости.

Алиса росла сиротой. Её мать, могучая ведьма Дуная Джофранка Свободная, наводившая ужас на валашских крестьян, однажды, почувствовав, что настала пора передать своё колдовское проклятье будущей дочери, с помощью зелья соблазнила смазливового девственника; оросив своё чёрное чрево здоровым семенем и вдоволь натешившись с жертвой, она убила и съела деревенского дурня (не пропадать же добру).

В январскую полночь шесть тысяч девятисот седьмого года⁴ тордая ведьма исполнила долг перед смертью; истошный крик отданной тьме новорождённой жизни огласил стены тайного логова старой колдуньи. В ту же ночь, пробираясь сквозь волны страха упавшей на землю бури, уставшей от родов волчицей отнесла она проклятое дитя к решённым опекунам. В лучах кровавого солнца положила свой грех Джофранка Могучая на покрытый снегом порог убитого парубка (отца ребёнка), плюнула четыре раза на стороны света и навсегда покинула дочь.

В то утро страшный сон разбудил Иоанну — бабушку оставленного на морозе младенца. Дрожа от страха, она растолкала супруга и со словами: «Проснись, Рэду. Чует моё сердце, плачет чья-то душа на нашем пороге. Поди глянь, может, кто сбился с пути», — заставила сонного мужа выйти в холодную брезгу.

Ребёнка спасли, и счастье вернулось в дом потерявших сына родителей детским отзывчивым криком. Девочку назвали Ленутой, Ярким Огнём,⁵ призванным освещать дорогу тьмой искалеченным душам, и через сорок дней покрестили.

Злые языки, не приглашённые в церковь на таинство, шептали потом, что якобы на словах отца Григора: «Крещается раба Божия Ленута во имя Отца и Сына, и Святого Духа», — свечи в храме погасли и мокрый младенец, истошно вопя и извиваясь подобно змее, выскользнул из рук Иоанны, что поднявшийся шум и крики испуганной крёстной заглушили кваканье

¹ Одно из названий славянской богини зимы, смерти, царицы ночи Морены.

² Глухой труднопроходимый лес.

³ Август.

⁴ 6927 года от Сотворения мира, 1419 год от Рождества Христова.

⁵ Румынское имя Ленута происходит от греческого слова «Елена», что означает «факел» или «яркий свет».

жабы и мгновенное превращение девочки в тварь и обратно никто не заметил: тьма с насмешкой сокрыла от человеческих глаз чёрное колдовство.

Слухам никто не верил, но Ленуту стали бояться.

* * *

Как бы это странно ни звучало, но ведьмы не терпят себе подобных. Каждая из них считает, что только она имеет право на магию. Как зверь сторонится зверя, так и ведьма бежит от зла, не ей совершённого. Исполняя древний закон, запрещающий завистливым дамам без особой нужды уничтожать сотоварок, колдуньи дружбой не баловались, предпочитая гордое одиночество ежечасной борьбе за мнимое превосходство.

У ведьмы Алисы подруга была. Розалия Шельма — приятельница по случаю, с которой Алиса встречалась от скуки, распить пару-тройку рюмашек настойки. Встречались они нечасто — раз в несколько лет. Розалия присылала мжицу⁶с просьбой о встрече. Если Алиса была в настроении, в обрат она отсылала холодного свистуна⁷с запахом мяты или просто бросала в камин заговорённую бересту с именем получательницы.

Вчера, безмерно устав от тягостной нуды в пропахшей болотом избушке, Алиса швырнула в очаг ответ: «Жду тебя между часом Свиньи и часом Крысы. С тебя — самогон. Алиса».

Мята росла в овраге, сразу за Чёртовым лесом. Роем жалящих шершней неслась Алиса над елями, подчиняясь звериному духу. Прямо под ней бурлило море трепещущей жизни. С даром Морены колдунья видела землю, как видят её животные: огненный мир дышал, смеялся и плакал от края до края земли. Деревья, цветы, каждая тварь пылала ей одной лишь присутствием цветом. Мята светилась нежно-зелёным — цветом страсти с оттенками лёгкого головокружения.

— Вот ты где, проказница, — обрадовалась старуха, взирая с высоты на мятный ковёр с чудным запахом эйфории. — Тебя-то мне и нужно.

Сойдя с метлы, ведьма пала на землю и со словами «Мать — сыра земля! Благоволи ведьме Алисе нарвать с тебя мятного снадобья!» серебряными ножницами срезала несколько стебельков.

Всю дорогу назад Алиса гнала метлу, выжимая из древка остатки любовной дури.

— Скоро Розка явится, а у меня рожа не крашена, — ворчала она, подгоняя метёлку.

Как и ведьма Алиса, Розалия была сиротой, только воспитывали её не люди, а болотные кикиморы, поэтому домом своим колдунья считала Гиблое место в центре смоленских болот. Своё опасное прозвище «Гиблое», или, как его ещё называли, «Гнилое место», болото получило из-за ядовитых испарений, выделяемых огромным торфяником, и тайным ужасом, в нём обитающим.

Три века назад, устав от сырости, вони и страха, под видом цыганки ведьма Розалия в поисках нового дома дошла до Астрахани, где и осела. На злое сочувствие ближних она лишь лукаво хихикала, мол: «А что? Тепло, фруктов навалом, да и дураков хватает. Как раз для такой, как я», — предпочитая жизнь обычной мошенницы сомнительной борьбе за власть между сёстрами.

Хитрая, практичная, в меру злобливая и не в меру общительная, без видимых амбиций, Розалия проживала жизнь не спеша, собирая по миру сплетни, хорошо гадала по картам, умела ворожить и гнать самогон из грецких орехов.

Судьба свела их на Лысой горе в ночь на Ивана Купалу. В тот год входящая в силу ведьма Алиса сменила валашское имя Ленута на более подходящее её новому образу имя Alais.⁸

⁶ Самый мелкий дождь при ненастье.

⁷ Ветер.

⁸ «Благородная». Сокращённая форма старофранцузского имени Adelais.

Шабаш окончился свальным соитием; сплетение тел, сращение душ... Утром две молодые ведьмы проснулись в кустах ежевики в обнимку с чёрным козлом, да так и сошлись: змея и жаба, пожар и тина, сёстры по ковену, подруги по обстоятельствам.

* * *

От мяты, добавленной в суп, варево забурлило, запенилось и наполнило комнату ароматом тёплого вечера с нотками ностальгии по морю и южному солнцу. Васька громко чихнул и начал неистово умываться.

— Чует, бездельник, гостью, будь она неладна, — старуха вздохнула и со словами «пора напяливать хламиду» направилась к старому сундуку, тихо гниющему возле кровати.

Вытаскивая на свет поношенные льняную блузку и холщовую чёрную юбку, какие носили при царе Горохе, старуха поморщилась:

— Традиционное им подавай. Дважды в одну и ту же реку даже ведьмы не могут войти. Хотите, как встарь — меняйте жизнь. Традиции — они в уважении к прошлому, а не в ваших юбках и сарафанах.

Кряхтя и ругая тех, кто придумал обычай раз в год одеваться в старинные вещи, старуха напялила юбку, повязала «дурацкий» платок, затем достала с полки две деревянные плоски, поставила их на стол и с тоской обвела глазами владения.

Старый, пахнувший гнилью, недобрый к чужим, как пёс, стерегущий тайну хозяйки, дом являлся хранителем тайны, местом её посвящения, блюстителем древних законов и... стукачом.

В доме имелся стол, пара плохо сколоченных лавок, кровать с соломенным тюфяком, сундук и большое старинное зеркало, спрятанное за занавеской.

Алиса избу ненавидела, поэтому мстила «конюшне» как только могла. «Говно к говну», — говорила она, топая грязными башмаками по сто лет как немытому полу. Дом полнился мусором. В отсутствие хозяйки он изрыгал из себя нечистоты прямо в болото, топя в чёрной жиже грязь и Алисину ненависть.

Дом ведьму любил. По-своему. Он даже завёл старухе кота, но ни кот, ни тепло старой избы Алису не радовали. Местом своим она считала Москву.

Старуха уселась на лавку, и чем дольше она сидела, тем ближе сдвигались густые брови на недовольном лице. Близилась полночь. Наконец она встала, сорвала с себя ненавистный платок, снова разделась, обнажив костлявое тело, достала халат и с блаженной улыбкой уткнулась в мягкую ткань.

— Чай, уже не в пятнадцатом веке живём. Людишки в космос летают, а этим старым хрычовкам всё платки подавай. Хотят ходить в юбках — пусть ходят, а я не для того столько мучилась, чтобы на старости лет лишать себя маленьких радостей в этой вонючей глуши, — и, грозно топнув ногой, добавила, обращаясь к избушке: — Настучишь на меня Совету — сожгу к чёртовой матери!

На этих словах карга успокоилась. Дом было собрался выдать тираду о пользе традиций, но в дверь постучали.

— Входи, коли силу имеешь, — ответила ведьма на стук.

— И силу имею, и волю, — отозвался снаружи знакомый голос.

Ведьма Розалия переступила порог по обычаю: низко кланяясь и что-то угодливо приговаривая, не забывая при этом бросать насмешливый взгляд на подругу.

Вид старинной приятельницы мгновенно стёр гримасу любезности с уродливой рожи Алисы. Подруга явилась на встречу во всём своём обновлённом великолепии: молодая, красивая, в обтягивающей упругие ягодички короткой юбке, шёлковой белой блузке с глубоким вырезом, из которого бессовестно пялилась на мир упругая девичья грудь, и пошлые «Louboutin» на босу ногу.

Отбывшая «срок» (завещанный предками месяц) на смоленском болоте Розалия получила право на «Кровавый напиток» и, дабы унижить ещё не прошедшую ритуал сотоварку (Алиса в этом не сомневалась), явилась к ней при параде, с наглой улыбкой блудницы на алых губах.

Неимоверным усилием воли старуха растянула сморщенный от досады рот в ответной улыбке, не желая радовать и без того слишком счастливую Розку.

— Проходи, подруженька моя ненаглядная, — приветствовала она гостью. Целуя, по обычаю, Розалию в губы, она не удержалась от ответной любезности и с нескрываемым ехидством спросила: — Что, подруга? Небось с каждым годом всё трудней девичью морду натягивать на своё болотное естество? Одной дозы, поди, уже маловато будет? Бокалов пять, не меньше, пришлось хлобыстнуть, прежде чем ты на человека стала похожа? А? — и, видя, как сползает улыбка со сразу постаревшего лица подруги, примирительным тоном добавила: — Все мы без эликсира лишь старые клячи, годные разве что для кошачьей потравы. Метлу ставь к моей, пусть поболтают, сама же давай к столу, вечерять будем.

Зная недобрый Алисин нрав, Розалия признала своё поражение (или сделала вид) и, как положено доброй подруге, с поклонами освободила себя от метлы и огромной котомки, в которой что-то позвякивало.

— И не говори, подруженька, — притворно вздохнула она, усаживаясь за стол. — Старость — не в радость, то тут кольнёт, то там прищемит. А уж о мужчинках и разговору нет. Кто же на старуху смотреть-то будет? Три...

— Чего три? — не сразу поняла Алиса.

— Три дозы пришлось принять, прежде чем...

Алиса зло рассмеялась, представив, как «поганая Розка» пьёт эликсир, а потом пытается разгладить на лице обвисшую, как у слона, кожу.

— ...Еле досидела положенные денёчки. А как в молодую оделась, тут же подумала: «Дай-ка слетаю к своей любимой подруге. Чай, лет пять как не виделись». Слышала, выслали тебя из Москвы? Али врут, окаянные?

Внезапный вопрос зловредной подруги красным лаковым лабутеном застрял у Алисы в паху. Ведьма вздёрнула брови, но только на мгновение; зло прищурившись, она уставилась на Розалию, как голодный питон на жирную мышь. В мыслях своих карга пылала от адского гнева: «А вот кукиш тебе! Унизить меня в собственном доме?! Не выйдет!»

Гляделки двух гримз длились недолго. Улучив подходящий момент, когда «поганая Розка», ошибочно принявшая молчание ведьмы за её поражение, нагнулась к котомке за самогоном, Алиса нанесла ответный удар. Сплюнув на пол, она чуть слышно насала на Розалию порчу:

— Как выйдешь отсюда, три года не сможешь разговаривать, стерва.

На душе сразу стало покойно, и ведьма ответила на Розкино скудоумие уверенным контральто:

— Сплетни всё это. Светка, небось, распускает. Не может кикимора рязанская простить мне Чумайса, что я два года назад увела из-под её сопливого носа. Ни рожей, ни задом не вышла, а туда же, банкира ей подавай...

— Как скажешь, подруженька, — Розалия пошла на попятную. — Я что? Я — ничего... Это всё Светка... Сказала, что выперла тебя из Москвы какая-то молодуха с Кавказа...

Алиса в ответ лишь хмыкнула:

— Враки всё это, — сказала она, зевая в ладонь. — Не родилась ещё та ведьма, которая в силах тягаться со мною. Гелькины потроха три дня соскребали с асфальта, а я — вот она, жива-здоровая. Скоро обратно в Москву отчалою...

— Так это твоя работа? — охнула гостья. — А я-то всё думала...

Старуха фыркнула, будто муху прихлопнула.

— Ну, перестаралась маленько. С кем не бывает? — проговорила она.

Вид у Розалии сделался испуганным и даже жалким. Ведьма костерила себя за глупость: «Чёрт меня дёрнул тягаться с Алисой, вот дура-то...» — и, чтобы как-то загладить вину, тут же притворно захныкала:

— Получается, соврала Светка поганая. А я что? Я — ничего... На каждый роток не накинешь платок. Я ведь только спросила...

Дабы ублажить злопамятную подругу, Розалия быстро разлила по рюмкам пахучую жидкость собственного изготовления.

На столе уже стояли полные до краёв тарелки с дымящимся варевом, стопка вчерашних блинов из крапивы, свежая лягушачья икра, миска с черникой да кувшин молока с росой.

— За встречу, подруженька моя любимая, птишка моя ненаглядная, и, как говорится, кто старое помянет, — произнесла тост Розалия, кланяясь Алисе в пояс в знак своего недостойнства.

Опрокинув содержимое рюмки в рот, она по-мужски громко рыгнула и уселась на место, не забыв бросить тревожный взгляд на подругу.

— За встречу, — кивнула Алиса, сложила губы в подобие дудки и медленно, не отрывая взгляда от испуганной гостьи, выпила. — Знатный у тебя самогон, — похвалила ведьма напиток.

— На грецких орехах полгода настаивала. Для поднятия настроения — самое то, — с надеждой на то, что с трезвостью уйдёт и обида, Розалия вновь до краёв наполнила рюмки. — Давай, Алисочка, за супчик твой выпьем; и вправду, язык проглотишь. Всегда любила твою стряпню. Тебе бы шеф-поваром в «Двойку».

Алиса фыркнула, представив себя у плиты в заляпанном жиром фартуке. Нет, не для того Джофранка Могучая рожала её во тьме, чтобы она, Алиса Непобедимая, стала прислугой у глупых людишек, не для того...

Какое-то время в полутёмной избе слышалось лишь мерное колотье деревянных ложек о плошки с супом, треск догорающих веток в печи да чавканье ртов-молотилок в дрожащем пламени сальных свечей на потемневшем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.